

Очерк истории Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года

Львов Сергей
Митрошенкова Лада

Лада Митрошенкова

Очерк истории Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года

«Автор»
2023

Митрошенкова Л. В.

Очерк истории Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года / Л. В. Митрошенкова — «Автор», 2023

Высочайше утверждённый особый комитет по устройству в Москве Музея 1812 года за 12 лет своего существования (1907-1919) сумел собрать многочисленные предметы, ставшие основой действующей с 2012 г. в ГИМ постоянной экспозиции, посвященной Отечественной войне 1812 года. Трудами членов Комитета в Москве появилась написанная профессором Ф.А.Рубо панорама "Бородино". Памятники и музей на Бородинском поле - также, во многом, созданы благодаря деятельности членов Комитета Музея 1812 года. Наконец, их трудами изданы к 100-летию 1812 года многочисленные научные и популярные статьи и книги, открытки и альбомы.Комитет прекратил свою деятельность в 1919 г., так и не дождавшись открытия музея, на создание которого было положено много душевных и физических сил.Очерк деятельности Комитета посвящаем мы памяти тех, кто, завершая свою деятельность с горечью писал: "Мы сделали, что могли, пусть те, кто придут после нас, сделают больше" (П.А.Воронцов-Вельяминов)

© Митрошенкова Л. В., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 11

Лада Митрошенкова, Сергей Львов
Очерк истории Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года

Высочайше утвержденный Особый комитет по устройству в Москве Музея 1812 года[1] (далее – ОК) был тем учреждением, которому, по мысли организаторов, надлежало создать центр хранения, изучения и популяризации памятников Эпохи 1812 года, а также любой информации, имеющей к ней отношение.

В данной работе на основе анализа опубликованных и неопубликованных протоколов заседаний ОК и его комиссий излагается динамика его деятельности, выявляются ее главные направления и наиболее значимые проблемы. В результате появляется возможность в самом общем виде оценить деятельность ОК за 10 лет его существования. Это, в свою очередь, может стать основой для дальнейшего подробного изучения различных аспектов, направлений и отдельных хронологических периодов истории масштабного, но так и нереализованного проекта – Музея 1812 года.

История создания ОК довольно подробно описана в «Кратком очерке возникновения Музея Отечественной войны 1812 года в Москве», опубликованном во втором годовом отчете[2]. Приведем основные даты.

Еще в 1902 году по высочайше утвержденному докладу военного министра генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина была создана комиссия под председательством генерала Н.Н. Обручева по разработке вопроса об образовании в память войны 1812 года военного музея. Комиссия разработала и опубликовала развернутую программу будущего музея, которая предусматривала собирание и экспонирование материалов с древнейших времен и до современности.[3]

Первый денежный взнос в размере 50000 рублей на создание Музея 1812 года (точнее – «зала 1812 года», а также «приюта для детей офицеров тех частей Московского гарнизона, кои принимали участие в Отечественной войне») был сделан коммерции советником Иваном Андреевичем Колесниковым 19 марта 1903 года во время инвалидного концерта по случаю годовщины взятия Парижа, проходившего в Москве, в Большом театре.

Безвременная кончина генерала Обручева, а затем война с Японией и события 1905–1906 годов на время приостановили реализацию задуманного проекта. Но, как пишет А.М. Разгон, «причины, породившие самую идею создания музея, не перестали существовать, и в 1907 году снова была предпринята попытка гальванизировать забытые проекты»[4]. 25 января 1907 года полковник генерального штаба Владимир Александрович Афанасьев отправил в редакцию «Русского Инвалида» письмо о необходимости устройства Музея 1812 года. Письмо не было опубликовано, но инициировало «в высших установлениях» возобновление интереса к созданию Музея 1812 года, и в том же году, указом от 30 июня, был создан Комитет по подготовке Русского военно-исторического музея под руководством члена Государственного совета генерала от кавалерии Н.Н. Сухотина. Комитет подготовил развернутые «Соображения по сооружению Русского военно-исторического музея», вызвавшие оживленную дискуссию в прессе, но далее этого продвинуться не смог. [5]

---

[1] Именно такое название было принято для себя Комитетом 9 апреля 1908 г.

[2] Годовой отчет высочайше утвержденного Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года за второй 1909–10 год. М., 1910. С. 1–8.

[3] Подробнее об этом см.: Разгон А.М. Указ. соч. С. 166–167.

[4] Разгон А.М. Указ. соч. С. 168.

[5] См. об этом подробнее: там же. С. 169–170.

В августе 1907 года в газете «Голос Москвы» появилось несколько статей о необходимости создания Музея 1812 года в первопрестольной столице. Гласный Н.А. Шамин внес в Московскую городскую управу 27 августа заявление о желательности устройства такого музея на средства города. Причем, «более подходящим местом» для него Шамин считал «ближайшее к станции «Кутузово» московской Окружной железной дороги, где невдалеке находится известная историческая изба, в которой происходил под председательством фельдмаршала Кутузова военный совет 1812 года»[6]. Уже 4 сентября Московская городская дума постановила «возбудить ходатайство о том, чтобы музей в память Отечественной войны 1812 года был воздвигнут именно в Москве». Особенно активно эту мысль развивал полковник Афанасьев. В начале сентября была опубликована его известная брошюра «Где быть Музею 1812 года?»[7]. 23 сентября он произнес посвященную этому вопросу речь на торжественном открытии Московского археологического института. 30 сентября с подобной речью он выступал уже в Санкт-Петербурге на открытии Императорского русского военно-исторического общества. 22 октября Афанасьев делал доклад об основаниях сооружения Музея 1812 года в присутствии Совета Московского археологического института, офицеров генерального штаба и другой публики.

В штабе Московского военного округа 5-го ноября состоялось заседание Особой комиссии под председательством генерала от инфантерии В.Г. Глазова. Была заслушана записка В.А. Афанасьева о Музее 1812 года, и решено представить ее государю императору, приложив для наглядности эскизный рисунок возможного здания на фоне храма Христа Спасителя, выполненный архитектором этого храма И.И. Поздеевым. Записка и эскиз, поданные московским генерал-губернатором и командующим войсками генерал-лейтенантом С.К. Гершельманом, удостоились одобрения Николая II. И уже 26 января 1908 года состоялось высочайшее повеление об учреждении Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года под председательством В.Г. Глазова. Стать членами Комитета были приглашены лица, «известные своими трудами по истории 1812 года», представители от войск, города, земства, дворянства, министерства Императорского двора, Румянцевского и Исторического музеев, архивов министерства иностранных дел и юстиции, Археологического института, Императорского русского военно-исторического общества – то есть те, чей опыт, знания и служебное положение могли реально быть использованы в деле создания музея.

Всю работу по ведению делопроизводства возложил на себя В.А. Афанасьев. С начала марта в его частной квартире в вечерние часы активно проводилась подготовка к первому заседанию ОК, которое и состоялось 19 марта 1908 года в здании штаба Московского военного округа.

Первоначально к работе в ОК было приглашено 19 человек, но к концу года его состав расширился до 27 членов, а в последующие годы – до 38. Официально были утверждены 3 иностранных корреспондента (во Франции – барон де Бай (1908), в Голландии – Ван Зон (1909), в Германии – Отто Кунке (1911) [8]) и уполномоченный в Москве – гласный Московской городской думы Н.А. Шамин (1913). По разным причинам несколько членов прекратили свою работу в ОК еще до его закрытия, но официально процедура исключения прописана не была. Реально в каждом заседании Комитета участвовало не более 15-16 человек, а в годы войны – по 7-12 человек. Причем, Председатель – генерал Глазов – лишь первое время (до своего переезда по делам службы в Санкт-Петербург в марте 1909 г.), участвовал в заседаниях ОК регулярно. Позднее он приезжал лишь в случаях, настоятельно требовавших его присутствия, а после начала войны не приезжал ни разу. Большинство членов ОК служили в различных

[6] Государственный Исторический Музей. Отдел письменных источников (Далее – ОПИ ГИМ). Ф. 160. Оп.1. Д.1. Л.646.

[7] Афанасьев В.А. Где быть Музею 1812 года? М., 1907.

[8] От услуг последнего Комитет официально отказался в августе 1914 года (См.: Годовой отчет высочайше утвержденного Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года за седьмой 1914–15 год. М., 1915. Стр. 15)

государственных учреждениях, и участие в работе по созданию Музея 1812 года было для них дополнительной (иногда обременительной) обязанностью.

Основные вопросы своей деятельности ОК решал на общих заседаниях. Повседневной организационной работой занимался Секретарь, которым на первом же собрании (без баллотировки) был избран В.А. Афанасьев. Он же руководил канцелярией, в которой первоначально трудился всего один делопроизводитель. В обязанности делопроизводителя входило ведение протоколов заседаний и переписки Комитета, количество которой так быстро росло, что вскоре были наняты несколько письмоводителей.

Процедура составления протоколов, насколько можно видеть из сохранившихся документов, была такова. Во время заседания делопроизводитель вел записи всех выступлений, которые затем переписывал, правил и отдавал на проверку Секретарю. В.А. Афанасьев внимательно прочитывал черновой вариант и тщательно его редактировал. Причем, вносил не только стилистическую правку, но иногда (и даже довольно часто) существенно исправлял тексты выступлений, касавшихся наиболее важных вопросов. Не меняя видимо их содержание, он добивался сглаживания или подчеркивания тех или иных принципиальных моментов (в особенности – в спорах относительно здания будущего Музея). Уже в первый год деятельности ОК было принято решение о публикации журналов его заседаний и протоколов заседаний Исполнительной комиссии (далее – ИК). Но полковник Афанасьев и его сотрудники и до этого отчетливо сознавали, что заняты делом, имеющим историческую значимость, и ответственны перед потомками за все принятые и не принятые решения. После правки Афанасьева протоколы перепечатывались. Их зачитывали и утверждали на последующих заседаниях. Иногда при этом в протоколы вносили дополнения или изменения. Все означенные выводы сделаны по наблюдениям над сохранившимися черновыми вариантами протоколов и при сопоставлении их с текстами, опубликованными в годовых отчетах Музея.

В восьми книжках годовых отчетов ОК (1909–16) опубликованы протоколы 37-и общих заседаний и 61-го заседания ИК, 2 протокола Строительной комиссии, а также несколько протоколов совместных заседаний Строительной комиссии и ИК, Комиссии по созданию панорамы «Бородино» и ИК. Большинство протоколов имеют черновики (некоторые – несколько черновиков), отложившиеся в фонде ОК в ОПИ ГИМ. Не были опубликованы протоколы заседаний Ревизионной комиссии, заседаний Комиссии по панораме «Бородино». Не изданными остались также журналы 3-х последних общих заседаний (38–40) и протоколы 5-ти или 6-ти последних заседаний ИК (62–66 или 67)[9] за 1916–18 годы.

Не занимаясь, в принципе, разработкой теоретических вопросов музейного дела, члены ОК посвящали свои занятия следующим проблемам:

организационные вопросы;

научно-фондовая работа (комплектование, описание, каталогизация);

выставочная деятельность;

строительство здания Музея (или приспособление под Музей имеющегося здания);

создание панорамы «Бородино»;

вопросы, ныне, как правило, входящие в компетенцию специалистов по связям с общественностью;

вопросы, связанные с подготовкой к празднованию 100-летней годовщины Отечественной войны 1812 года;

научная деятельность, посвященная истории Отечественной войны 1812 года;

финансовые вопросы.

---

[9] ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 7, 11, 28. Приглашение на 67-е заседание ИК, назначенное на 2/22 апреля 1918 года, было разослано (Там же. Д. 11. Л. 433), но текст протокола в просмотренных к настоящему моменту делах нам обнаружить не удалось.

В разные годы приоритеты отдавались различным направлениям работы, что отчетливо зависело от общеполитической обстановки в стране.

Разумеется, подобной терминологией члены Комитета не пользовались и никакой последовательности в обсуждении вопросов не придерживались. Но для удобства изложения мы будем использовать предложенную выше условную систематизацию.

На протяжении всего периода деятельности ОК его заседаниям были присущи следующие общие черты.

Обсуждение вопросов проходило в максимально демократичной обстановке. Возможность высказаться получали все желающие, мнения не согласных с принятым большинством голосов решением обязательно учитывалось и записывалось.

Члены ОК, относившиеся к различным слоям общества, имели разный уровень исторических знаний по эпохе 1812 года, разный уровень знаний и опыта в области музейного, строительного и инженерного дела, но при этом (в большинстве своем) обладали высокой самооценкой и высокой степенью ответственности. Результатом такого сочетания часто становился отказ от принятия определенного решения, если мнения по тому или иному вопросу сильно расходились.

Заседания ОК, проходившие в сложной обстановке нарастания в стране политических страстей, касались только вопросов собственной компетенции. Никаких признаков принадлежности кого-либо из его членов к какой-либо партии по текстам протоколов (в том числе и по их черновикам) усмотреть не удалось.

При всем разнообразии мнений практически по всем обсуждавшимся вопросам, заметно общее понимание роли создаваемого Музея не только как центра хранения, изучения и популяризации памятников, но и как единого информационного центра по Эпохе 1812 года.

Анализ основных тем заседаний ОК проводится в данной работе в соответствии с принятой Комитетом собственной периодизацией по годам деятельности (с 19 марта 1908 года) и позволяет выделить внутренние приоритеты в отношении поставленных задач, их иерархию и динамику.

Первый год. 19 марта 1908 – 19 марта 1909 года. [10]

5 заседаний ОК, 6 заседаний ИК.

При создании ОК, прежде всего, необходимо было решить ряд организационных задач, к числу которых относилось и то, что в современной терминологии можно назвать концепцией будущего Музея. Эти вопросы рассматривались на первом заседании 19 марта 1908 года, а также на некоторых последующих. Обсуждались и были приняты предложенные Афанасьевым: программа будущего музея, проект воззвания к обществу и примерная форма подписного листа на сбор средств по всей империи для сооружения Музея 1812 года, а также «главные основания устройства» исторической выставки (которую признали необходимой провести в ближайшее время). Для решения наиболее важных, не терпящих отлагательства вопросов и для подготовки их к обсуждению на общих заседаниях, уже 19 марта 1908 г. была создана Исполнительная комиссия. Почти весь период деятельности Комитета в нее входили председатель, секретарь и 4 избранных открытой баллотировкой члена.

Для осуществления постоянного и четкого учета пожертвований (деньгами и предметами), активно поступавших с первых месяцев работы ОК, была организована Ревизионная комиссия в составе 3-х человек.

На общих заседаниях обсуждались вопросы о приеме новых членов, приглашении иностранных корреспондентов, порядке ведения переписки, условиях найма помещения для канцелярии и разделении обязанностей по ведению «секретарской» и «казначейской» части.

[10] Годовой отчет… за первый 1908–09 год. М., 1909.

Научно-фондовая работа Комитета в первые годы его существования почти полностью исчерпывалась работой по комплектованию фондов Музея. Оно началось с первого же заседания (антикваром А.К. Ерыкаловым был предложен в дар портрет императора Александра I в рост)[11], что вызвало вопрос о принципах комплектования будущего Музея. При этом сразу же выявились разногласия среди членов ОК, не раз возникавшие и впоследствии: коллекционеры, любители эпохи и музейщики, в основном, ратовали за минимальную цензуру и самый широкий прием памятников Эпохи (А.С. Белокуров, А.В. Орешников, П.П. Яковлев и др.), а люди, далекие от музейного дела, но умевшие подсчитывать кубические сажени (архитектор И.И. Поздеев и др.) предлагали ограничиваться лишь предметами, имевшими непосредственное отношение к военным действиям 1812 года на территории России. В этих спорах неизменно одерживали верх сторонники первой точки зрения. Для более точного ориентирования общественности был составлен широкий перечень предметов Эпохи, включенный в текст воззвания Музея[12].

Дары, предлагаемые Музею частными лицами и различными государственными учреждениями и общественными организациями, рассматривались, как правило, на заседаниях ИК, а затем (если признавались заслуживающими внимания), вопрос об их приеме передавался в общее заседание. Дарителям выражали благодарность от имени ОК на особых бланках с утвержденным текстом и воспроизведенной подписью Председателя. Если предложенные предметы не интересовали Комитет, или если владелец просил за них слишком высокую цену, предложение вежливо отклонялось. Почти всегда при этом владельцев просили предоставить Комитету фотографии предметов.

С самого начала в состав будущих музейных фондов предполагалось включить часть коллекции члена ОК П.И. Щукина, которая состояла из предметов Эпохи Александра I (хотя вся коллекция Щукина была уже передана Императорскому Историческому музею). Вопрос об этом поднял на одном из первых заседаний сам Щукин. Правда, повлиять на исход дела он не мог, но пытался поддерживать соответствующие ходатайства ОК перед руководством Исторического музея.

Другой член ОК – И.Х. Колодеев – выразил твердое намерение передать Музею свою обширную и уникальную библиотеку, посвященную Эпохе наполеоновских войн, что не раз становилось предметом обсуждения на заседаниях ИК. В силу ряда известных обстоятельств (как внутри империи, так и вне ее границ), а также по причине отсутствия у Музея достаточного помещения и возможности направить компетентного человека для приема книг, передача библиотеки затянулась на несколько лет.[13]

Наиболее ценными приобретениями, полученными уже в первый год работы ОК, были: обширная библиотека (7 ящиков) по 1812 году генерала В.И. Харкевича, полученная в дар от его вдовы; 20 живописных портретов генералов 1812 года, приобретенных в Мюнхене у потомков художника П. Гесса; походная кухня Наполеона, полученная в дар от графа А.Н. Грабе и др.

Списки поступлений в фонды будущего Музея периодически публиковались в некоторых газетах, соглашавшихся делать это бесплатно, а также – в годовых отчетах ОК.

Порядок приема предметов и их регистрации разрабатывались на заседаниях ИК и утверждались общим собранием. Первое время предметы хранились в различных помещениях храма Христа Спасителя и в музее П.И. Щукина.

---

[11] Там же. Стр. 45.

[12] ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.

[13] Подробнее об этом см.: Букреева Е.М. Иван Хрисанфович Колодеев, «знаток славной эпохи 1812 года» // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XV междунар. науч. конф. Можайск, 9–11 сент. 2008 г. Можайск, 2009. С. 437–449.

Уже на первом заседании ОК было решено в ближайшее время устроить выставку, посвященную Отечественной войне 1812 года. «Основные положения по устройству исторической выставки» были разработаны Афанасьевым и обсуждались на первом заседании; на втором названа желательная дата ее открытия – 25 декабря 1908 года; на третьем избрано Бюро выставки. Вопросы, связанные с подготовкой, работой (после открытия 21 февраля 1909 г.) и ликвидацией (после закрытия 30 апреля 1909 г.) выставки постоянно обсуждались на заседаниях ОК и ИК.

Весной 1908 года от дирекции Русского музея поступило предложение предоставить для выставки серию картин В.В. Верещагина, но большинство членов Комитета отреагировали на это довольно холодно. Вопрос затянулся и решен так не был.

Больше всего времени своих заседаний в первый год деятельности ОК посвящал вопросу о выборе места для сооружения здания Музея 1812 года. Члены ОК очень подробно были ознакомлены с эскизным проектом, составленным архитектором И.И. Поздеевым еще для памятной записки государю при ходатайстве Московской городской думы. Поскольку император сооружение Музея в принципе одобрил, Поздеев уверился в том, что высочайшее одобрение получило также предложенное им место на площади храма Христа Спасителя (напротив его западных врат), и непосредственно сам проект здания. Однако, и место, и проект не вызвали одобрения большей части активных членов ОК, что породило долгие и многословные споры. Только к марту 1909 года удалось достичь некоего компромисса, что стало возможным лишь благодаря консультациям известного архитектора А.Н. Померанцева. Наилучшим местом для сооружения Музея был признан участок земли на улице Волхонке, напротив храма Христа Спасителя, принадлежавший 1-й мужской гимназии. Несмотря на указания отдельных членов Комитета на ограниченность времени и средств для сооружения нового здания, было решено отказаться от приспособления какого-либо из уже имевшихся помещений. В отчете за первый год работы Музея Афанасьев назвал избрание для него места одним из важнейших достижений ОК. Такая оценка, очевидно, объясняется тем, что решение было принято после целого года напряженных споров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.